

Марина
СЕРОВА

Возвращение
миледи

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Возвращение миледи

«Научная книга»

2007

Серова М. С.

Возвращение миледи / М. С. Серова — «Научная книга»,
2007 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Никакой личной жизни у частного детектива Татьяны Ивановой, сплошная работа! Даже нет времени культурно отдохнуть. В кои-то веки выбралась в театр, посмотреть на местный бомонд и себя показать, но и там не обошлось без криминала. До чего же дерзкий грабитель! Ничего не боится! Обчистил прямо во время спектакля, чуть ли не на глазах у охраны двух беременных женщин. Негодяй сорвал с них дорогие украшения, и был таков. Нет, этого нахала Татьяна непременно найдет, только... Стоило сыщице потянуть за ниточку, как размотался целый клубок подлостей и преступлений..

© Серова М. С., 2007

© Научная книга, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Серова

Возвращение миледи

Глава 1

«Да-а-а, Татьяна Александровна! Докатилась ты!» – язвительно хмыкнула я, тряхнув банкой, и остатки кофе отозвались мне жалобным постукиванием зерен о стенки.

Хватит еще максимум на два раза, тоскливо подумала я. Если не подвалит какое-нибудь дело, то придется на чай переходить – я же растворимый никогда в жизни пить не буду! «Ой, как не хочется!» – вздохнула я. – А куда деваться?»

Аккуратно засыпав зерна в мельницу, я взялась за ручку и начала меланхолично ее крутить, одновременно размышляя о том, что совершенно неожиданно и незаметно для меня в моем родном Тарасове началась такая немыслимо светлая, радостная и безоблачная жизнь, что услуги частного детектива уже никому не нужны. Поставив вариться кофе, я с отвращением посмотрела на лежавшую на столе пачку дешевых сигарет, но все-таки взяла сигарету – курить хотелось страшно.

«Ничего! Терпи! Сама виновата! Нечего было гонорар за последнее дело транжирить! – выговаривала я себе. – „Экономика должна быть экономной!“

Зазвонивший телефон отвлек меня от грустных мыслей, и я взяла трубку.

– Утро доброе, Татьяна Александровна! – приветствовал меня жизнерадостный голос Холодова, помощника нашего вице-губернатора.

– Здравствуйте, Олег Иванович! – ответила я.

– Узнали! – рассмеялся он и спросил: – У вас на сегодняшний вечер никаких особо важных дел не намечено?

– Нет, я свободна, – сказала я, удивляясь, что его интересуют такие вещи.

– Ну, тогда мы с женой приглашаем вас с нами в оперный театр, – предложил он.

– Знаете, Олег Иванович, – осторожно начала я. – Не такая уж я любительница опер.

– Это не опера, а балет, – объяснил Холодов. – Причем столичный и шумно разрекламированный!

– Час от часу не легче! – воскликнула я. – В этом руковерчении и ногодрыгании я понимаю еще меньше, чем в операх. Так что спасибо большое, но я пас!

– Напрасно! Там соберется весь местный бомонд, который, можете мне поверить, тоже любовью к балету не пылает, но не может не пойти на единственный модный спектакль!

– Ярмарка тщеславия! – хмыкнула я. – Мужчины будут демонстрировать друг другу телефоны, часы, запонки и прочие причиндалы, а дамы хвалиться платьями и драгоценностями.

– Вот именно! Для этого все там и соберутся! – подтвердил Холодов. – Так что на сцену смотреть вовсе не обязательно.

– Что же я тогда там буду делать? – удивилась я. – У меня, знаете ли, бриллиантов и соболей нет.

– Понимаете, Татьяна Александровна, мы с женой посоветовались и решили, что материального выражения нашей благодарности явно недостаточно – вы же нас просто спасли! – с чувством произнес Олег Иванович.

– Вы преувеличиваете, – скромно сказала я, хотя на самом деле все именно так и было: их сыночек влез в такую жутко поганую историю, которая могла бы стоить его отцу карьеры, но я его вовремя спасла, так что, когда эта история вылезла наружу, скандал был страшный, но Холодовым это уже повредить не могло.

– Скорее преуменьшаю, – выразительно сказал Олег Иванович. – Вот мы и решили пригласить вас с нами в театр, где моя жена представит вас нашим знакомым как свою подругу, которая работает частным детективом. Понимаете, у многих людей есть проблемы, но они не знают, к кому обратиться. Так что, я думаю, рекомендация моей жены сослужит вам добрую службу и значительно расширит вашу клиентуру среди очень платежеспособной публики. Так что вы побольше визитных карточек захватите!

– Ну, если с этой точки зрения, то я согласна, – ответила я, стараясь не показать, как на самом деле обрадовалась.

– Вот и договорились! – подытожил он. – Значит, в полшестого мы за вами заедем!

Положив трубку, я задумалась над тем, что же мне надеть в театр – я же не собиралась соревноваться с Вандербильдихой, но тут услышала угрожающее шипение. Пена ползла по боку турки, но я все-таки успела спасти кофе.

Вечером, критически посмотрев на свое отражение в зеркале, я решила, что выгляжу в своем черном вечернем платье вполне пристойно. Чтобы узнать, чем закончится для меня сегодняшний день, я бросила кости, и выпало 18+12+34. Что ж, неплохо. Комбинация означала, что я буду приятно удивлена тем, как стремительно события приобретут благоприятный для меня оборот.

Я выглянула в окно и, увидев, что машина Холодовых уже подошла, радостно направилась навстречу своему светлому будущему.

– «Театр уж полон!» – процитировала я Пушкина, когда мы втроем поднялись в фойе второго яруса, по внешней стене которого были выходившие на Театральную площадь окна, открытые из-за ранней майской жары.

– Так вы же сами сказали, что это будет ярмарка тщеславия, – рассмеялся Холодов.

И действительно, дамы сверкали драгоценностями, как новогодние елки, отовсюду слышались негромкие возгласы: «Ты прекрасно выглядишь! Какое чудное платье! Очаровательные серьги!» – и все в этом духе, причем в голосах дам не слышалось и капли искренности и они были столь откровенно фальшивы, что я поморщилась. В сторонке стояла довольно внушительная толпа молодых людей в костюмах, но их квадратные плечи и бдительные взгляды по сторонам тут же выдавали охрану собравшихся.

– Они-то здесь зачем? – тихонько спросила я. – Тут же собрались, как я понимаю, только свои. Или это еще одно проявление респектабельности и принадлежности к бомонду?

– Не только, – шепнул мне Олег Иванович и пояснил: – Ведь на этих дамах целые состояния надеты, так что не лишним будет.

Тем временем при виде Холодова к нам потянулись люди, которым его жена меня активно представляла, повторяя раз за разом одно и то же:

– Это моя давняя подруга Татьяна Александровна Иванова. Она частным детективом работает, и очень успешно. Представляете?

Судя по заинтересованным взглядам некоторых из знакомых, расчет Холодовых оказался верен – проблемы у этих людей точно были. Визитки, правда, никто не попросил, но теперь им было несложно найти меня через Олега Ивановича или его жену. А может, кто-нибудь захочет в антракте со мной пообщаться? Прозвенел второй звонок, и все стали расходиться по своим местам. Мы в соответствии со статусом Холодова сидели в губернаторской ложе, расположенной в центре яруса. Едва в зале наступила тишина, как из оркестровой ямы начали раздаваться рваные, отрывистые, режущие слух звуки, которые язык не поворачивался назвать музыкой.

– Если такова увертюра, то дальше, видимо, будет настоящая какофония, – тихонько сказала я и предупредила: – Долго такого издевательства над собой я не выдержу и сбегу.

– Ну, досидите хотя бы до антракта, – шепнул мне Олег Иванович. – Я же заметил, что кое-кто хотел бы с вами поговорить.

– Если только до антракта, – сжав зубы, сказала я. – Но потом я уйду!

– Счастливая! – вздохнула холодовская жена. – Вы можете себе это позволить! С каким бы удовольствием я составила вам компанию!

– Увы, дорогая! – заметил Олег Иванович. – На тебя эта льгота не распространяется! Придется сидеть до конца!

Тем временем увертюра закончилась, занавес поднялся и... Нет, балетом это назвать было нельзя при всем желании!

– Это пляска святого Витта или ритуальные танцы какого-нибудь забытого богом и людьми дикого племени? – съехидничала я.

– Да уж! Такого я не ожидал! – не мог не признать Холодов, с отвращением глядя на судорожные подергивания скудно одетых танцовщиков на сцене. – А под этот грохот и подремать нельзя!

– Зато теперь понятно, почему они дают только один спектакль, – заметила я. – Потому что на второй никого даже палкой не загонишь! О всякой респектабельности и положении забудут! А танцоры эти и уезжают-то, наверное, сегодня ночью, чтобы никто не поймал и не накастылял за такое, с позволения сказать, искусство!

Между тем безобразие на сцене все набирало обороты. Я тоскливо сидела и думала о том, как я смогу продержаться до конца первого акта. Потом я вспомнила старый анекдот и рассмеялась.

– Вы чего? – спросил Холодов.

– Вспомнила анекдот, как два ковбоя, отец и сын, сидели в театре, и сын спросил: «Папа, а почему певец, когда поет, так раскачивается?» – а тот ему ответил: «В движущуюся мишень труднее попасть, сынок!»

– Что? Появилось желание всех на сцене перестрелять? – улыбаясь, спросил Олег Иванович.

– Да! Причем из автомата! – кровожадно ответила я.

– Не стреляйте в пианиста! Он играет, как умеет! – рассмеялся Холодов.

От нечего делать я достала из сумочки театральные очки и стала рассматривать зал. Увидев кислые физиономии собравшихся, я получила несказанное удовольствие и хоть некоторую моральную компенсацию за ничем не заслуженные мной мучения. Потом я переключилась на ярусы и внутренне возликовала, увидев на лицах зрителей откровенное отвращение. В одной из лож третьего яруса слева от нас одиноко сидела очень симпатичная молодая брюнетка и пристально смотрела почему-то прямо перед собой и немного вниз. Я перевела очки туда, но увидела только затылки каких-то людей, которые тоже не смотрели на сцену, а были заняты общим разговором. «Наверное, эта брюнетка просто задумалась о чем-то своем, девичьем, вот и уставилась, сама не понимая куда, – подумала я. – Но почему она одна? Если она пришла сюда из любви к балету, то смотрела бы на сцену. А-а-а! Наверное, ее спутник не пришел? Она расстроилась и теперь переживает. Ну да бог с ней!» Между тем в зале становилось душно, потому что в построенном черт-те когда театре вентиляция работала из рук вон плохо, и дамы начали активно обмахиваться кто чем: кто веерами, а кто программками. И тут сзади на меня пахнуло убойной крепости духами так, что я не выдержала и чихнула.

– Нет, я больше не могу! – сдавленным голосом сказала я. – С меня довольно, и я поехала домой! Спасибо вам большое за рекламу, а желающие, я думаю, теперь и по телефону со мной смогут связаться!

– Езжайте, конечно! – согласился прикрывавший нос платком Холодов. – Скажите моему водителю, чтобы он вас отвез, а потом возвращался обратно. Я бы и сам отсюда уехал, если бы мог! Знал бы я, что такое будет, ноги бы моей здесь не было!

– Может, и я с Татьяной Александровной поеду? – спросила жена Холодова.

– А некоторым еще свой общественный долг надо выполнять! – процедил Олег Иванович.

– Положение обязывает вас восторженно улыбаться и говорить, что большего чуда вы в жизни не видели? – сочувственно спросила я.

– А как же! А то все подумают, что я недостаточно культурно образована! – вздохнула жена помощника вице-губернатора.

Я встала и вышла из ложи в фойе, где всей грудью вздохнула свежий воздух.

– Да пропади оно пропадом, это положение! – буркнула я, сворачивая направо и направляясь в сторону дамской комнаты.

При виде меня собравшиеся около лестницы телохранители, которые до этого весело ржали – не иначе как травили анекдоты, замолчали, и я спиной почувствовала их настороженные взгляды. Завернув за угол в коридорчик, ведущий к месту назначения, я застыла и тут же забыла, куда и зачем шла. Да и неудивительно – передо мной на полу лежали без сознания две беременные женщины, и у обеих сзади на шее была кровь. Я сделала шаг назад и сказала парням:

– Эй, служивые! Это случайно не ваши подопечные тут прилегли?

Двое из ребят мгновенно побледнели, переглянулись и рванули с места так, что я, когда они пролетали мимо, только свист услышала.

– Ё-ё-ё! – заорал один, падая около женщин на колени, и скомандовал второму: – За хозяином беги!

Тут мимо меня просвистел второй, а я сказала тому, что остался на месте:

– Ты их пока не трогай – вдруг их по голове ударили или они сами, когда падали, ударились, и у них сотрясение мозга! – Охранник тут же отдернул руки, а я спросила: – Что у них на шее было?

– Драгоценности! Чего ж еще! – почти простонал он.

– Помочь чем? – спросил кто-то из телохранителей, которые подошли к нам и сейчас стояли вокруг.

– Надо немедленно перекрыть все выходы! Понимаете, ребята? Все! Чтобы ни одна душа отсюда не вышла! А если кто-то уже ушел, то досконально выяснить, кто, как выглядит и все остальное!

Несколько парней рванули по лестницам вниз, и я попросила одного из тех, кто остался:

– Воды принеси! – И, видя его недоуменный взгляд, объяснила: – В ладошках! Из туалета!

– Так он же женский, – удивился охранник.

– Да какая разница! – рявкнула я.

Воду он и еще один парень принесли быстро, а поскольку ладони у них были огромные, то поместилось там немало, и мы начали брызгать женщинам на лица. Тут я увидела, что к нам быстрым шагом направляются трое мужчин: охранник, который убежал за хозяином и теперь скромно держался позади, еще один мужчина, лет сорока пяти с блудливыми глазами, которого я видела впервые, и очень красивый смуглый брюнет с седыми висками, опиравшийся из-за небольшой хромоты на дорожную трость, – Игорь Николаевич Дроздов. Последнего звали за глаза Пейрак, как героя старых фильмов об Анжелике.

Дроздов был личность в нашем городе очень известная и, по слухам, крайне опасная. Увидев его, я невольно подумала: «Это кому же такому отчаянному жить надоело?»

Когда мужчины подошли к нам, Дроздов остановился с каменно-спокойным лицом, а его спутник упал на колени около женщин и начал осторожно звать их:

– Наташа! Тома! Очнитесь! – Но они, хоть и начали понемногу шевелиться, не отвечали.

– Это вы их нашли? – спросил меня Дроздов, и я кивнула. – Кто вы?

– Частный детектив Татьяна Александровна Иванова, – представилась я и пояснила: – Я была здесь с Холодовыми, но, не выдержав этого безобразия на сцене, решила уйти.

– Понятно! – кивнул Дроздов, а стоявший возле женщин на коленях мужчина тем временем поднял взгляд на телохранителей и зло сказал:

– Ну, ложкомой! Быстро колитесь, что и как было!

– Виктор Евгеньевич! Мы с остальными стояли вот там, – парень показал на лестничную площадку, – курили, разговаривали, но фойе и лестницу напротив из виду не выпускали. Потом Наталья Павловна с Тамарой Евгеньевной вышли и к окну пошли. На диванчик там сели и сидели, а потом Наталья Павловна мне сказала, чтобы я водителя предупредил, что они сейчас спустятся и домой поедут. Ну, они в туалет пошли, я им вслед смотрел и видел, как они за угол завернули. Потом водителю позвонил и решил покурить, потому что при них-то нельзя, а тут эта женщина... – он кивнул на меня и понуро опустил голову.

– В дворниках, блин, свою жизнь закончишь! – рявкнул Виктор Евгеньевич. – Почему сразу за ними не пошел? Водителю мог бы и отсюда позвонить!

– Так не было же никого в фойе! – оправдывался парень. – И по лестнице, той, что здесь рядом, никто не спускался и не поднимался! Мамою клянусь!

– Ничего! – злое пообещал мужчина. – Потом с вами обоими разберусь!

– А сколько времени прошло с момента, как они за угол свернули, и до того, как я вас позвала? – спросила я у парня.

Виктор Евгеньевич удивленно на меня уставился, а Дроздов ему объяснил:

– Это частный детектив Татьяна Александровна Иванова.

– А-а-а! – протянул тот. – Понял! Слышал о вас! – И окинул меня мужским «раздевающим» взглядом. – Ну, а я Виктор Евгеньевич Базаров, у Игоря Николаевича службу безопасности возглавляю, – и велел парню: – Отвечай, когда спрашивают!

– Минут пять, не больше, – уверенно сказал охранник.

– Что же произошло? – пробормотала себе под нос я и опустилась на колени около женщин.

Тут у меня за спиной раздался какой-то шум, и я повернулась – оказалось, что это привлеченные шумом в фойе зрители начали выходить из лож, в том числе и из губернаторской, чтобы посмотреть, что случилось. Вышел и сам вице-губернатор Егор Михайлович Краснов, который, увидев женщин на полу и кровь на их шеях, все понял, побелел и с ужасом сказал:

– Господи! На их же месте мои жена с дочкой могли оказаться! Тоже плевались и уйти хотели, да я не пустил, чтобы в глупое положение не попасть! – Он достал телефон и, набрав какой-то номер, сказал: – Петрович! Поднимай свой ОМОН, шмомон, охламон! В общем, всех – и дуй в оперный! Здесь такое произошло, что выговорить страшно! – Убрав телефон, он сказал Дроздову: – Сейчас сюда начальник облуправления милиции приедет! – На что Дроздов только кивнул, а вице-губернатор повернулся к зрителям и с нажимом сказал: – Пожалуйста! Все вернитесь на свои места! Здесь не цирк, а место преступления!

Недовольные зрители стали скрываться в ложах, но продолжали наблюдать за происходящим через открытые двери. Я наклонилась над той женщиной, что была постарше, и слегка похлопала ее по щекам, а когда она никак на это не отреагировала, похлопала посильнее. Женщина судорожно глотнула, открыла глаза и обвела нас полубезумным взглядом.

– Где она? – с ужасом прошептала женщина.

– Кто? – тут же ласково спросила я.

– Смерть, – ответила она дрогнувшим голосом и заплакала.

– Бредит! – сказал кто-то у меня за спиной.

– Скажите, вас по голове не ударили? Может быть, вы сами ударились, когда упали? Вас, случайно, не тошнит? – спросила я. – Голова не болит, не кружится?

– Да нет! – слабым голосом ответила женщина. – Меня Тома попыталась удержать, да где ей?

– Ну, тогда я думаю, что их можно и на диванчики перенести, – предложила я. – Да, на воздухе им получше должно стать.

Телохранители перенесли женщин, и я, следуя за ними, продолжила расспрашивать ту, что постарше.

– Пожалуйста! Расскажите, что с вами случилось и кто на вас напал?

– За нами смерть прилетала, – срывающимся голосом сказала женщина и тихо заплакала.

– А откуда она прилетала? – осторожно спросила я, но женщина в ответ только плакала и икала.

Тут в себя пришла ее спутница, совершенно бесцветная девушка, и ответила мне, слабым движением руки показав на ведущий в сторону дамской комнаты коридор:

– Оттуда! – И, тоже заплавав, пожаловалась: – Это было так страшно!

– Ну, теперь уже все позади, – утешила я их и сказала Дроздову: – Пострадавших теперь в больницу бы.

Он на это кивнул, а Базаров достал телефон, быстро набрал номер и сказал:

– Шурка! Ты где?.. Ах, еще на работе! Тогда приготовь палату на двух человек и вызывай всех лучших специалистов! На Наташу с Томой напали! – И, отключив телефон, заверил Дроздова: – К их приезду все уже готово будет!

Женщин мгновенно подхватили на руки и унесли, а я стояла и задумчиво смотрела на этот коридор, когда какой-то парень, задыхаясь от бега, сказал, приблизившись к нашей группе:

– Выходы заблокированы, театр никто не покидал.

– Значит, этот человек еще здесь, – сказала я. – А поскольку по лестнице никто не поднимался и не спускался...

– Факт, никого не было! – перебив меня, уверенно сказал один из парней.

– То появиться он мог только из дамской комнаты, – продолжила я.

– Когда мы туда заходили, там никого не было, – сказал один из ходивших за водой парней.

– Мог в кабинке прятаться, – возразила я.

– Сортир проверьте! Посмотрите, не прячется ли там кто-нибудь, – бросил Базаров парням, и несколько человек тут же отправились в туалет. – И еще в тех двух ложах, что в коридор выходят, надо посмотреть, – добавил он.

– Вряд ли! – покачала головой я. – Слишком близко! А значит, на них подумают в первую очередь!

– Давайте я посмотрю! – предложил вдруг Краснов. – Мне это удобнее сделать – все-таки там не последние в области люди сидят.

– Ну, если это вам нетрудно, – удивилась я.

Краснов, а за ним и все мы, прошел в этот коридор. Он заглянул в первую ложу, что-то спросил, а потом сказал нам:

– Директора молкомбината и кондитерской фабрики с супругами, и они утверждают, что к ним никто не заходил и они ничего не слышали.

– Музыка гремит так, что и артиллерийский выстрел не услышишь, – буркнул Базаров.

– Да! Вряд ли это их рук дело! – согласилась я.

Краснов заглянул во вторую ложу и недоуменно пожал плечами:

– А этих я не знаю!

Тут за его спиной появился здоровенный бугай, на плечах которого чуть не лопался пиджак, и, дыхнув на нас пивом, недовольно спросил:

– Чего надо? – но, увидев Дроздова, тут же удивленно воскликнул: – Ё-ё-ё! Пейрак! Привет! Ты чего? – А потом, оглядев нас, уже другим голосом спросил: – Случилось чего?

– Случилось, Банзай! Ты тут со своими? Чужих нет? – спросил Базаров.

– Не! Все свои! – помотал головой Банзай.

– Никто не заходил? Никто не заглядывал? Ничего не слышал? – уточнил Виктор Евгеньевич.

– Да говорю – нет! Мы тут своей компанией культурно отдыхаем! – ответил он.

– А чего это тебя сюда понесло? – любопытствовал Базаров.

– Да моя запилила! Говорит, что раз все идут, то и нам надо! Ну я и взял отдельную ложу, чтобы не хуже других быть! Пусть баба потешится! А тут! – Он махнул рукой. – Хорошо хоть пиво в буфете есть!

– Ладно, отдыхай дальше! – сказал Базаров, и Банзай скрылся в ложе.

Когда дверь за ним закрылась, я, удивленная доверчивостью Виктора Евгеньевича, вопросительно посмотрела на него, и он, поняв меня, отрицательно покачал головой:

– Нет! Не его профиль! Да он сейчас торговлей занялся!

Тут к нам подошел какой-то парень и сказал:

– Виктор Евгеньевич! Мы в сортире все посмотрели, бачки проверили... В общем, все там перевернули! Нет там никого! И камешков там тоже нет! А вот за портьерой, что дверь в туалет маскирует, еще одна дверь есть. Только закрытая она.

– Значит, оттуда он и пришел! – уверенно заявила я, направляясь к туалету и отдергивая портьеру. – И тем же путем ушел!

– Запертая! – напомнил мне парень.

– Значит, у него был ключ, – стояла я на своем.

– Но тогда получается, что он из здешних, – сказал Дроздов.

– Вот именно! – кивнула я. – Он знал, что за люди здесь сегодня соберутся, предполагал, что кто-то из увешанных драгоценностями дам не усидит на месте, и устроил засаду в туалете. Ключ нам нужен! – заключила я.

– Зачем? – удивился Базаров и кивнул парням на дверь.

Поняв, что они хотят ее вышибить, раззадорившийся Краснов согласился:

– Давайте! Под мою ответственность! А то когда мы еще ключа дождемся!

Два парня отошли к противоположной стене, встали боком, переглянулись и одновременно рванули к двери, которая вылетела, как бумажная, – за ней оказалась лестница и уходящий вправо коридор.

– Что здесь происходит? – раздался чей-то гневный голос, который, как оказалось, принадлежал невысокому лысому толстяку. – Я администратор театра... – И тут он увидел вице-губернатора. – Здравствуйте, Егор Михайлович! – Толстяк расплылся в подхалимской улыбке.

– Как вы кстати! – встряла я. – Передайте на сцену, чтобы гнали свой спектакль без антракта!

– Как можно?! – в ужасе воскликнул администратор, но Краснов поддержал меня и жестко заявил:

– Если нужно, значит, можно! Нам здесь празднующиеся зрители не нужны! Да и спектакль в этом случае может быть вообще сорван! Вам это надо?

Ничего не понявший администратор все-таки кивнул и убежал, а Краснов за моей спиной сказал:

– Ну, наконец-то! Что же вы как долго?

Я повернулась и увидела начальника облуправления милиции генерал-майора Руслана Петровича Твердохлебова.

– Что успели выяснить? – спросил он.

– То, что преступник, скорее всего, кто-то из работников театра, – ответила я и начала приводить свои доводы.

– Это какой же скотиной надо быть, чтобы на беременных женщин напасть! – гневно заявил он, слушая меня, а когда я закончила, сказал, глядя на выбитую дверь: – Ну, что ж! Ваши рассуждения не лишены логики! И времени, чтобы скрыться, было у преступника достаточно.

– К сожалению, – развела я руками и добавила: – Простите, что вмешиваюсь, но, как мне кажется, для начала нужно все-таки обыскать эти две ложи и дамскую комнату. Там, правда, уже смотрели, но непрофессионально. Если здесь ничего не обнаружится, то преступник точно из театра.

– Сейчас распоряжусь, – сказал генерал и предложил: – А еще рамку металлоискателя надо привезти. И пусть все выходящие из театра после спектакля через нее пройдут.

– Вряд ли из этого что-то получится, – заметила я. – Поскольку преступник почти точно из здешних, то он знает здесь каждый закуток и вполне мог предполагать, что ограбление быстро обнаружат. Так что ему было намного проще спрятать где-нибудь драгоценности и вернуться за ними, когда шум утихнет. Но вот если мы их найдем, можно будет определить, кто о них знал, и сузить круг подозреваемых.

– Возможно, вы и правы, – нехотя согласился Твердохлебов. – Но рамку все равно нужно привезти. Если найдем драгоценности до конца спектакля – хорошо, а если – нет, то хоть так попробуем.

Я же тем временем повернулась к Дроздову и спросила:

– Игорь Николаевич! А похищенные драгоценности были застрахованы?

– Да! Но неужели вы полагаете, что я сейчас думаю о деньгах? – сухо спросил он.

– А я думаю, – сказала я, – что нужно звонить страховщикам. – И объяснила: – Тогда они, чтобы деньги не платить, будут носом землю рыть, чтобы драгоценности найти, а там и до преступника рукой подать.

– А ведь вы правы! – согласился Дроздов и, внимательно посмотрев на меня, неожиданно сказал: – Татьяна Александровна! Вы не откажетесь поработать на меня в этом деле?

– Но ведь им же теперь милиция будет заниматься, – возразила я.

– В силу ряда причин нам бы хотелось первыми найти преступника, – весьма зловещим тоном ответил мне вместо него Базаров.

– Тогда не откажусь, – согласилась я, доставая из сумки и протягивая Дроздову и Базарову свои визитки.

– Договорились! – кивнул Дроздов, убирая мою визитку в бумажник и протягивая свою. Он тут же отсчитал тысячу долларов и отдал мне: – Это аванс и на расходы, – уточнил он. – Если деньги кончатся, я добавлю, а окончательный расчет по завершении дела – и знайте, что Виктор Евгеньевич окажет вам любую, – выделил он, – потребную помощь!

– В лепешку расшибусь! – пообещал Базаров.

– Спасибо! – сказала я, убирая деньги в сумку, а Дроздов достал телефон и начал звонить страховщикам.

Пока он с ними говорил, я предложила:

– А если с выходящих билеты собирать и на обратной стороне писать имена и адреса, чтобы потом легче было сориентироваться? Если преступник – из театральных, то не так уж много их в зале будет. А персонал можно без помех допросить прямо сейчас.

– Здравая мысль! – согласился генерал. – Но скандал будет! – Он покачал головой.

– Не будет! – веско заметил Краснов. – Я здесь не для мебели и кое-чем уже помог. Вот и в этом случае использую свой авторитет, для того чтобы никто не возражал.

– Все поняли? – Генерал повернулся к стоявшему у него за спиной полковнику.

– Так точно, товарищ генерал! – отчеканил тот.

– Ну так выполняйте! – Полковник повернулся и начал отдавать распоряжения своим подчиненным.

А генерал сказал:

– Я велел директора театра привезти. По времени он должен быть уже здесь. Предлагаю штаб-квартиру у него в кабинете устроить.

Мы дружно спустились на первый этаж в кабинет бледного от волнения директора. Тот при виде таких высокопоставленных визитеров засуетился, предлагая чай или кофе и хватаясь за электрочайник, но нам было не до этого.

Мы расселись вокруг стола для заседаний. Прямо напротив меня оказалась афиша с танцовщиком, снятым в момент прыжка. Я задумчиво уставилась на снимок – что-то он мне напоминал. Почти все за столом курили, и я машинально тоже взяла сигарету из чьей-то пачки. Закурив, я еще раз взглянула на афишу, и тут меня осенило.

– А вы помните, как та женщина, что постарше, сказала, что за ними смерть прилетала? – спросила я и кивнула на афишу.

Все как один повернулись и посмотрели на афишу, а генерал удивленно произнес:

– А что? Это вполне можно считать полетом.

Тут у меня в голове что-то перешелкнуло, и я спросила директора:

– У вас есть костюмы Смерти?

– А как же! – воскликнул он. – И Смерти, и Коцея Бессмертного для детских спектаклей.

– А можно узнать, все ли они на месте? – тут же поинтересовалась я.

– Конечно! – подхватился директор и спросил у администратора, который скромно сидел в уголке: – Сидоркина здесь? – Тот покивал, и директор распорядился: – Пусть все проверит!

– Но часть костюмов в гримерках у артистов, – возразил администратор.

– Значит, и их проверьте! – рявкнул директор.

– Я с вами пойду! – сказала я, поднимаясь.

– Татьяна Александровна! – позвал меня Дроздов. – Вы думаете, что?..

– Ну да! – кивнула я. – Для того чтобы так сильно испугать женщин, это должно было быть что-то из ряда вон выходящее! Если бы на них напал просто человек, неважно, мужчина или женщина, они бы закричали или попробовали сопротивляться, а раз они от ужаса потеряли сознание, то зрелище им предстало то еще! И мне кажется, что это был танцовщик, надевший костюм Смерти. Видимо, он выпрыгнул на них из-за занавески.

– О, боже! – воскликнул директор, хватаясь за голову.

Я вышла из кабинета вместе с администратором, и мы пошли к неведомой мне Сидоркиной, которая оказалась ветхой старушкой из тех, что душой и телом преданы театру, несмотря на мизерную зарплату.

– У меня все записано, – заверила она нас и, достав потрепанную амбарную книгу, раскрыла нужную страницу. – Вот! – Она ткнула в книгу очками. – Костюмы Смерти, две штуки, находятся в костюмерной, потому что этих спектаклей давно не было, а Коцея Бессмертного... – она открыла еще одну страницу, – один в костюмерной, а второй – у Сафонова в гримерке. Вот он за него расписался!

– Пойдемте посмотрим, – предложила я.

В пропахшей пылью, потом и даже плесенью костюмерной мы без труда нашли два светло-серых балахона с капюшонами, которые оказались костюмами Смерти, и один Коцея Бессмертного, представлявший собой черное трико с рубашкой, на которых был нарисован скелет, а к этому прилагалась еще шапочка, раскрашенная под череп, и перчатки с рисунком костей.

– А теперь пойдем в гримерку Сафонова, – предложила я и спросила: – Кстати, где он сам?

– С ангиной лежит, – сообщил администратор.

Мы прошли в другой коридор, и я подумала, что незнающий человек способен заблудиться здесь, как Фарада в «Чародеях», и еще больше убедилась в том, что преступник был точно из театра. По дороге нам попадались на каждом шагу милиционеры, которые деловито

сновали туда-сюда или допрашивали здешних работников. Наконец мы пришли. Я посмотрела на обшарпанную, разболтанную дверь и хлипкий английский замок, в который Сидоркина никак не могла попасть ключом при свете маломощной лампочки, не выдержала и сильно толкнула ее плечом – дверь тут же открылась.

– Да уж! – только и сказала я, входя и нащупывая на стене выключатель.

– А что вы хотели? – тут же заявил администратор. – Финансирование такое – что курам на смех! На ремонт денег нет! На новые спектакли тоже! Зритель не идет! Репертуар обеднел так, что стыдно сказать!

– А кому сейчас легко? – бросила я через плечо и направилась к стойке с костюмами. Покопавшись в них немного, я нашла то, что искала – черное трико с нарисованными костями. – Есть! – сказала я. – А где остальное?

Но, сколько мы ни искали, верха от костюма так и не нашли. Почти бегом я вернулась в кабинет директора, а запыхавшийся администратор служил мне проводником.

– Нужно срочно искать верх от костюма Кошечки Бессмертного! В гримерке Сафонова от него только штаны, а дверь можно открыть и без ключа! Преступник взял рубашку, шапочку-маску и перчатки, чтобы было быстрее, надел, испугал женщин, а потом все это снял и где-то спрятал, – заявила я с порога и спросила генерала: – Вы собак привезли?

– А как же! – воскликнул он.

– Значит, с их помощью можно будет найти преступника по запаху! – обрадовалась я. – Если людей из театра выпускать по одному, то это будет несложно!

– Оперативно вы, однако! – одобрительно сказал генерал и дал соответствующие распоряжения, а я села и снова закурила.

Все негромко переговаривались, а вице-губернатор с восхищением сказал мне на ухо:

– Знаете, а я в детстве, как и каждый мальчишка, мечтал сыщиком стать!

– Так это все, начитавшись детективов, хотят! – ответила я. – А потом другие интересы появляются.

– Да! – кивнул он. – Но, наверное, я понял, что это не мое! Вот и не стал в юридический поступать. Но как это у вас ловко получается!

– Так я же частный детектив, – объяснила я. – Как потопаешь, так и полопаешь! Вот и приходится крутиться!

– А кем вы раньше были? – с интересом спросил Краснов.

– Следователем прокуратуры, – ответила я.

– А-а-а! – кивнул он. – То-то я смотрю, что вы такая решительная особа! – И шепотом спросил: – Как я понял, вы сейчас для Игоря Николаевича работаете?

– Да! – не стала я скрывать.

– Товарищ генерал! Нашли! В служебном туалете на первом этаже! – раздался из дверей голос милиционера, державшего в руках ведро, от которого шел пронзительный запах хлорки. – Вот! В ведре! Рубашку и остальное в хлорке замочил! – сказал он, как будто мы сами ничего не видели и запаха не чувствовали.

– Умный, гад! – зло оскалился генерал. – И это продумал! Значит, теперь только от драгоценностей танцевать и от показаний свидетелей!

– Где же эта сволочь могла их спрятать? – прошептала я себе под нос. – А где бы я сама их спрятала так, чтобы в глаза не бросались? В глаза не бросались! – уже громко произнесла я, и все повернулись в мою сторону. – Егор Михайлович! – сказала я, глядя на Краснова. – А где бы вы спрятали лист бумаги с какой-нибудь секретной информацией так, чтобы его никто не нашел? Но не в сейфе!

Тот внимательно и напряженно посмотрел мне в глаза, усиленно соображая, а потом выпалил:

– Среди других бумаг!

– Вот! – торжествующе сказала я. – Зря вы сыщиком не стали! У вас бы получилось!

– Вы думаете? – спросил Дроздов.

– Не факт, но мы же уже выяснили, что преступник не дурак, – сказала я и спросила директора: – У вас есть бутафорские драгоценности?

– Конечно! – ответил тот. – На складе реквизита. Но им давно никто не пользуется. Мы и должность завскладом сократили, и все необходимое у артистов в гримерках находится. Репертуар-то у нас сейчас не то что раньше, – глядя на вице-губернатора, сказал он. – Финансирование недостаточное! Вот если бы...

– Подумаем! – пообещал Краснов.

– Где ключ от склада? – спросил Твердохлебов.

– У меня! – радостно воскликнул директор, доставая из ящика стола связку ключей.

– Ну так пошли! – скомандовал генерал и поднялся.

Мы все тоже встали и направились вслед за ним. По запутанным коридорам мы подошли к складу, и я по дороге спросила администратора:

– А что там вообще находится?

– Мебель, посуда и прочая всякая всячина, – ответил он, едва поспевая за начальством.

Когда мы подошли к двери склада и директор начал возиться, отыскивая нужный ключ, я подняла руку и провела пальцами по верхнему косяку. На пол тут же упал ключ, который я подняла, и попробовала открыть замок, который послушно поддался.

– Вуаля! – сказала я, распахивая дверь.

После секундного замешательства директор щелкнул выключателем, и нам предстала удручающая картина: забитый разномастными и уже по большей части пыльными бутылками угол, где шампанское мирно соседствовало с дешевым портвейном, что говорило о том, что этим убежищем пользуются как рабочие сцены, так и творческие работники. На столике, стоявшем около колченого дивана, покрытого засаленной простыней, носившей нерукотворные следы чьих-то плотских утех, громоздилась большая трехлитровая банка, полная окурков, пустые консервные банки, тоже с окурками, грязные стаканы и чашки, коробки из-под конфет, скомканные полиэтиленовые пакеты и прочий мусор. Одним словом, весь склад носил следы постоянного варварского пиршества.

– Ну и бардак у вас! – не выдержал Твердохлебов, а потом спросил меня: – Как вы догадались?

– Так я, Руслан Петрович, к жизни ближе! – усмехнулась я. – Как услышала, что здесь мебель с посудой наличествуют, так и поняла, что лучшего места для того, чтобы оттянуться в спокойной обстановке, у местных работников нет, – складом же давно никто не пользуется! Странно, что здесь еще пожара до сих пор не было!

– И вы еще что-то о финансировании говорили? – гневно спросил Краснов. – Да вас за такое гнать надо в три шеи!

Директор начал суетливо и смущенно оправдываться, а я тем временем осматривалась по сторонам, а потом направилась к шкафам, стоявшим вдоль одной стены.

– Вы уж сами руки не пачкайте! – сказал мне генерал и повернулся к неотступно следовавшему за ним капитану, который понятливо кивнул и бросился за подмогой.

– Да когда еще ваши люди придут, – отмахнулась я.

Шкафы были полны все тех же бутылок из-под спиртного, лежавших на каких-то коробках и ящиках, но в одном месте пыль была потревожена.

– Или я ничего не понимаю в арифметике, или это здесь! – уверенно сказала я.

– Не трогайте! – воскликнул Твердохлебов. – Там же отпечатки могут быть!

– Да нет их здесь! – все так же уверенно ответила я. – Он же в костюме был, в перчатках! А костюм на первом этаже нашли, где мы сейчас и находимся.

– А если он сначала костюм снял? – возразил мне генерал.

– Так мы же уже выяснили, что он не дурак! – напомнила я. – А значит, ему сперва нужно было такую горячую вещь с рук скинуть, а потом уже и от костюма избавляться. Застань его кто-нибудь в костюме, он бы нашел что соврать, а вот с ворованными драгоценностями в руках? Тут уж не отопрешься!

Но на всякий случай я взяла со стола два уже липких на ощупь полиэтиленовых пакета, надела на руки и сначала сняла с большой коробки из-под женских зимних сапог бутылки, а потом вытащила ее наружу.

– Где бы ее открыть? – оглядывая комнату, спросила я.

Базаров, не раздумывая, наклонил стол так, что с него все слетело на пол, и я поставила коробку на него, а потом сняла крышку и стала поштучно перекладывать на нее покореженные дешевые побрякушки. И тут, когда я подняла массивное желтое украшение, под ним блеснули настоящие драгоценности.

– Что и требовалось доказать! – сказала я, доставая из коробки кольцо из изумрудов в обрамлении бриллиантов со сломанным замком и порванную довольно толстую цепочку из червонного золота, на которой висел массивный кулон тончайшей работы из трех видов золота, изображавший мадонну с младенцем. Я продемонстрировала находку окружающим.

– Ваше? – спросил Твердохлебов у Дроздова.

– Да! – кивнул он, и я отдала ему драгоценности, которые он спокойно положил в карман.

– С какой же силой этот подонок рванул, что у девочек сзади шея поранена! – прошипел сквозь зубы Базаров. – Ну, ничего! Я до него доберусь!

Тут к генералу подбежали его подчиненные, и он начал распоряжаться:

– Склад видеокамерой оборудовать, в коробку положить сюрприз с такой краской, чтобы неделю не смывалась, за дверью наблюдать в оба, а завтра, – тут он повернулся к директору, который стоял с таким видом, словно жить ему оставалось от силы пять секунд, – вы примете на работу заведующей этим складом ту девушку, которую я вам пришлю. И чтобы никто из вас, – тут он посмотрел и на администратора, – звука не издал о том, что драгоценности уже найдены!

Те закивали как китайские болванчики и хором заверили, что будут немые как рыбы. Мы вернулись в кабинет, и Твердохлебов подвел итоги.

– Итак, что мы имеем? Преступник, как нам теперь совершенно ясно, бывший или настоящий артист театра. В пользу этого говорит и метод совершения преступления, и то, что он знает репертуар и состав труппы, знает, кто какую партию исполняет, где какие костюмы находятся, как до них добраться и где можно надежно спрятать похищенное. Необходимо просмотреть все личные дела танцовщиков и... – он подумал, – танцовщиц тоже, в том числе и уволившихся. Установить их алиби и в отсутствие такового начать ими немедленно заниматься! После окончания спектакля собрать у всех зрителей билеты и написать на обратной стороне фамилии и адреса – это вы, Татьяна Александровна, неплохо придумали! Получившийся список оперативно отработать! За старшего здесь остается полковник Васильев со своими людьми! – Руслан Петрович кивнул на уже знакомого нам в лицо полковника, который был с ним, когда он только приехал. – Он же будет вести это дело!

– Я бы хотел, чтобы Татьяна Александровна тоже приняла участие в расследовании. Это возможно, Руслан Петрович? – спросил Дроздов.

Твердохлебов колебался, но все-таки согласился:

– Не возражаю! – и сказал Васильеву: – Пусть она будет в курсе дела и помогает по мере возможности.

– Благодарю вас, генерал! – спокойно сказал Дроздов. – Я всегда был уверен, что вы человек не только здравого смысла, но и широких взглядов.

– Ну все! – сказал Руслан Петрович и протянул Дроздову руку: – От души сочувствую вам, Игорь Николаевич! Не дай бог кому-нибудь такое пережить! А дамам передайте мои искренние пожелания скорейшего выздоровления!

– Благодарю вас! – ответил тот, пожимая ему руку.

Генерал ушел, следом за ним уехали и Дроздов с Базаровым, сказав, что направляются в первую частную больницу.

– Игорь Николаевич! – попросила я. – Если женщины вдруг скажут вам что-то полезное для расследования, то...

– То я непременно вам об этом сообщу, – пообещал он. – Да, я думаю, что завтра им станет лучше и вы сами с ними поговорите.

– Я предупрежу там о вас, так что вам нужно будет только представиться, и вас тут же к ним проводят, – пообещал Базаров, оглядел меня с ног до головы оценивающим взглядом и многозначительно сказал: – До связи!

– До связи! – отозвалась я, подумав, что если этот прохиндей попробует ко мне сунуться, то я его отделаю как бог черепаху, несмотря на то что он работает у моего клиента, – давненько никто не вызывал во мне такого омерзения!

Они ушли, и оставшийся как бы за старшего Краснов воодушевленно спросил:

– Ну, с чего начнем?

– Со знакомства, – сказала я и спросила: – Как ваше имя-отчество, товарищ полковник?

– Григорий Васильевич, – без особого радушия ответил он, и я предложила:

– Давайте уж делом займемся и для начала посмотрим личные дела. Кстати, где они? – спросила я.

– У меня в сейфе, – ответил он. – Понимаете, отдела кадров у нас уже нет – экономим, как можем. – Он полез в сейф, откуда начал выкладывать на стол многочисленные канцелярские папки.

– Я думаю, что нужно смотреть всех без исключения, – сказала я. – Ведь вполне может быть, что какой-то бывший танцовщик, выйдя на пенсию, остался здесь работать на другой должности, но навыков своих от этого не растерял.

– Согласен, – сказал Васильев, и мы приступили к изучению папок.

Директор же, воспользовавшись этим, начал обхаживать Краснова, что-то шепча ему и молитвенно прижимая руки к груди.

По мере составления списка Васильев отправлял своих подчиненных сразу по нескольким адресам, а мы смотрели дальше. Взяв в руки очередную папку, я увидела надпись на ней и хмыкнула:

– Это же надо, какая злая ирония судьбы! Танцовщик с фамилией Кривоножкин!

– Зря вы так! – заметил директор, отрываясь от разговора с вице-губернатором. – Очень неплохой был танцовщик! Первые партии он, конечно, не исполнял, но со временем мог бы, если бы сухожилие не порвал. После этого ему пришлось, конечно, уйти.

– А где он сейчас? – машинально спросила я.

– Корреспондент на телевидении, в отделе культуры, – ответил директор.

– Как же он смог туда попасть со своим образованием? – удивилась я. – У него же только хореографическое училище за плечами и больше ничего!

– Значит, сумел! – кратко ответил директор и отвернулся.

А вот Васильев выразился напрямую:

– Там тоже «голубизны» хватает!

Тут в кабинет зашел какой-то майор и доложил:

– По результатам опросов находившихся здесь на момент совершения преступления работников театра у всех есть алиби, потому что все друг друга видели.

Мы снова погрузились в изучение бумаг. Покончив с папками, мы взялись за план театра, отмечая на нем проданные места, данные о которых получили из кассы. Как выяснилось, почти все ложи третьего и четвертого ярусов остались пустыми, зато на галерке оказалось полно народу.

– А эти откуда там взялись? – удивился Васильев.

– Понимаете, – сказал директор, – это спонсоры купили билеты для учащихся хореографического училища, чтобы они...

– К последнему слову современного искусства приобщились! Мастерство, так сказать, переняли и модными веяниями прониклись! – съехидничала я и спросила: – И часто они у вас тут бывают?

– Каждый спектакль, – ответил директор. – Они же у нас в массовке танцуют.

– Естественно, за бесплатно, – кивнула я. – Якобы практику проходят!

– А вы что хотели? Нам без них не обойтись! Откуда я вам деньги возьму? – вспыхнул директор.

– Значит, ими надо заняться вплотную! – сказала я, глядя на Васильева, и тот кивнул. – Получается, что они тоже знают, что и где в театре находится, а им в их возрасте хочется и одеться, и шикануть!

– Неужели этот гад из молодых? – воскликнул Васильев.

– Поработаем – увидим! – кратко ответила я и предложила: – Поскольку очевидно, что преступление готовилось заранее, то по получении списка зрителей в первую очередь, я думаю, имеет смысл отбавывать тех, кто сидел в отдельных ложах и в партере с краю, потому что из середины ряда выйти незаметно было бы невозможно.

– Согласен, – кивнул Васильев.

– Значит, нам теперь остается ждать окончания спектакля, – сказал Краснов. – После этого я выйду на сцену и объявлю, что в связи с тем, что в театре произошло преступление, зрителей просят на выходе сдавать свои билеты, предварительно написав на них свои имена и адреса. Так? – спросил он.

– Так, – подтвердил полковник. – А если у кого-то ручки с собой не окажется, то мои люди сами напишут.

Мы все дружно закурили, потому что с бумагами было покончено. Тут в кабинете появились молодые ребята, нагруженные сумками, и начали доставать оттуда термосы и пакеты с бутербродами, одноразовые тарелки, хлеб и даже упаковку пирожных.

– Игорь Николаевич распорядился, – объяснил один из них. – Вам же тут еще долго сидеть!

А есть действительно хотелось, так что мы все, включая Краснова, набросились на еду. В термосах оказался и чай, и кофе, причем очень хороший, так что я отвела душеньку. Пока мы ели, начали поступать результаты проверок, по которым стало ясно, что дома, в гостях, в ресторанах, где их можно было бы найти, и так далее, нет девяти человек из бывших или действующих работников театра. Теперь оставалось только выяснить, находятся ли они среди зрителей, и если их нет, то их можно будет смело сбрасывать со счетов.

Наконец спектакль закончился, и мы, из любопытства посмотрев, как Краснов произнес со сцены свою речь, рванули к выходам, потому что во избежание столпотворения открыли все двери. У каждой двери уже стоял милиционер и собирал билеты, безжалостно отправляя к своему коллеге тех, кто не удосужился почему-то написать свои данные. Краснов же бдительно за всем следил и тут же гасил назревавшие скандалы. Когда все билеты были собраны и театр опустел, мы вернулись в кабинет, чтобы рассортировать билеты по рядам и ложам. Уже почти падавший с ног директор оставил нам ключ и ушел. Посидев немного с нами и убедившись, что ничего интересного больше не будет, Краснов тоже уехал. А мы с Васильевым, оставшись

вдвоем, дружно взялись за работу – вот уж где кофе нам пригодился! Закончив, мы решили по горячим следам разобраться с персоналиями.

– Губернаторскую ложу можно смело отбросить сразу, потому что я там была и видела бы, если бы оттуда кто-то вышел, – решительно заявила я. – А еще ложу Дроздова, директоров молкомбината, кондитерской фабрики и соседнюю, где Банзай с компанией сидел, – добавила я.

– Не возражаю, – согласился Васильев.

Вот так, постепенно, методом исключения набрался довольно-таки приличный список зрителей, с которыми нужно было побеседовать, причем тех девяти работников театра, которых милиция не нашла раньше, среди них не было. Привлекшая мое внимание брюнетка с третьего яруса оказалась Светланой Юрьевной Погодиной, постоянное место регистрации – город Пенза, а в Тарасове она остановилась в гостинице «Астория». А вот была она, как я с удивлением увидела, не одна, а вместе с жителем Тарасова Андреем Викентьевичем Друидским. Почувствовав в имени женщины что-то знакомое, я спросила:

– Григорий Васильевич! Вам такое имя, как Светлана Юрьевна Погодина, ничего не говорит?

– Так она адвокатом у нас была, и довольно известным, – ответил он. – У них с мужем адвокатское бюро было. Потом они развелись, и она года два назад к родителям в Пензу уехала.

– Понятно! – сказала я и подумала: «Наверное, этот Андрей в глубине ложи сидел, и поэтому я его не видела. А то, что она на другую ложу усталилась... Мама родная!» – мысленно воскликнула я, когда, сверившись с планом, поняла, что смотрела-то она как раз на ложу Дроздова. – Григорий Васильевич! Вы случайно не знаете, а с Дроздовым она никак связана не была?

– Да роман у них был, – нехотя ответил тот. – Из-за него она и мужа бросила, прекрасного, между прочим, человека! Да только не срослось у них что-то с Пейраком!

«Видимо, она специально пришла, чтобы посмотреть на его жену, – подумала я. – Но, поскольку она сидела в ложе и по фойе не шастала, то она здесь ни при чем! Так что бог с ней!»

– А вы мне не подскажете, кто есть кто из женщин? – спросила я. – А то Игорь Николаевич нанял меня, чтобы я в этом деле разобралась, но поговорить толком мы не успели.

– Наталья Павловна – жена Базарова, а Тамара – его сестра и жена Дроздова, – кратко объяснил он.

– Ничего себе! – воскликнула я. – У них же разница в возрасте лет двадцать с солидным хвостиком!

– Видите ли, Татьяна Александровна, – сказал он. – Жена и двое детей Дроздова погибли пять лет назад в автомобильной катастрофе. Они с водителем из загородного дома в Тарасов ехали – она их в школу провожала, а тут на их полосу «КамАЗ» на бешеной скорости вылетел. Столкнулись они лоб в лоб! Ну и... – Он не стал продолжать, потому что и так все было понятно. – Водитель «КамАЗа» с места происшествия скрылся, но вечером пришел с повинной, и Погодину назначили его защищать, да только до суда он не дожил – в камере удавили. Вот тогда-то у них роман и закрутился.

– А когда ничем не закончился, Дроздов женился на сестре своего подчиненного, – кивнула я, подумав, что такой красавец, как Дроздов, мог бы найти для себя не только более симпатичную, но и более подходящую ему по возрасту жену, а то с этой пигалицей и говорить-то, наверное, не о чем. – Ну что? Разъезжаемся? – предложила я, запихивая в маленькую театральную сумочку копии всех документов. – Надо же хоть немного поспать, а то уже светает!

Васильев не возражал.

Выйдя из кабинета, мы заперли его и, оставив ключ у вахтера, вышли на улицу. Каким же чистым и свежим показался мне сейчас городской воздух! Домой я добралась на дежурной машине и, войдя в квартиру, в автоматическом режиме скинула платье, но макияж снимать

не стала, так же как и чистить зубы, хотя во рту от бесконечного количества выпитых бокалов кофе и выкуренных сигарет была такая горечь, словно я хину столовой ложкой ела. Бесчувственным бревном я рухнула на постель и заснула, кажется, еще до того, как голова коснулась подушки.

Глава 2

Разбудил меня настойчивый звонок в дверь, и я, посмотрев на часы, чертыхнулась – было уже начало десятого, но поскольку спать я легла почти под утро, то выспаться мне не дали. Звонок не унимался, и я, накинув халат, пошла к двери.

– Кто бы это ни был, сейчас убью своими руками! – разозлившись, пообещала я.

Но, взглянув в глазок, я сначала оторопела, а потом быстро открыла дверь, потому что на лестничной площадке стоял Киря, то есть Владимир Сергеевич Кирьянов, подполковник милиции и мой самый лучший и надежный друг. А поскольку он на работе был загружен так, что его жена и двое детей видели только по большим праздникам, то такой ранний визит, да еще без предварительного звонка, говорил о том, что у Кири что-то случилось, что-то экстраординарное, а беда друга – это моя беда!

– Что у тебя стряслось? – спросила я, когда Володька прошел в кухню и плюхнулся на стул.

– У меня?! – воскликнул он.

– Ну да! – удивилась я, засыпая в мельничку остатки кофе и протягивая ему. – Займись пока!

– А мне почему-то кажется, что это у тебя стряслось, – с нажимом сказал Киря, яростно крутя ручку.

– Да ничего у меня не стряслось! – еще больше удивилась я и тут же поправилась: – То есть случилось, конечно, но вещь совершенно рядовая – дело новое подвалило, и, как я чувствую, очень денежное.

– Сарай ты мой, сарай! Сарай, не покрытый соломой! Куплю себе соломы! Покрою себе сарай! – вздохнув, печально сказал Володя. – Ты хоть знаешь, с кем связалась?

– С Игорем Николаевичем Дроздовым, по прозвищу Пейрак, – спокойно ответила я.

– А еще он сын Сомы! – делано равнодушно сказал Киря, протягивая мне мельничку.

– Погоди! – опешила я, чуть не выронив ее. – Какого Сомы?

– А у нас их в городе что, так много? – съязвил Володя.

– Ты имеешь в виду Николая Петровича Сомова, вора в законе и бывшего смотрящего по Тарасовской области? – спросила я.

– Его самого! – ехидно подтвердил Киря. – Игорь его сын. Конечно, незаконный, но единственный и до дрожи душевной любимый. И поднялся Пейрак именно на деньгах общака и папочкиных связях! – уже зло закончил Володька.

– Но сам-то он в криминале не замешан? – уточнила я, когда отошла от шока.

– Сам он чист, как слеза ангела! – съязвил Кирьянов.

– Володя! – попросила я. – У меня была аховая ночь, и спала я совсем немного, так что настроение – сам понимаешь. Сейчас я поставлю кофе и, пока он будет вариться, ты мне объяснишь доступно, как первокласснице, чего ты так разбушевался. Можно на счетных палочках!

Кирия недовольно посопел, а я засыпала в турку кофе, налила воды и закурила.

– Давай все с самого начала! – попросила я.

– Какого еще начала? – взвился Кирьянов и спросил: – Аванс взяла?

– Взяла! – кивнула я.

– Верни и откажись от этого дела к чертовой бабушке! Скажи, что заболела, что... Ну, словом, не мне тебя учить! Придумаешь что-нибудь! – раздраженно крикнул Кирьянов. – Я, когда сегодня утром услышал, что ты в это дело ввязалась, так чуть со стула не рухнул!

– Так это дело полковник Васильев ведет? – удивилась я.

– А меня в его группу включили, – объяснил Володя и тоскливо спросил: – Нет, ну скажи, как ты умудряешься в такие дела влипать? Талант у тебя, что ли?

– Он самый! – серьезно подтвердила я и категоричным тоном потребовала: – Ты давай повествуй все, что об этой семье знаешь, а то кофе не дам!

– И ты откажешься от этого дела? – с надеждой спросил Володька.

– Конечно, не откажусь, – возмутилась я. – Но тогда я, по крайней мере, буду знать, куда я, как ты любезно выразился, влипла.

– Ладно! Черт с тобой! – вздохнул он, тоже закурил и начал: – Сом, тогда еще просто Коля, был нормальным парнем, только для своего возраста ужасно здоровым и с бешеным характером. Он тогда в десятом классе учился, хороводился с одноклассницей Зоей Дроздовой и лялмурничал с ней по полной программе. И вот по весне, незадолго до выпускных экзаменов, шла она из школы домой, а он там во дворе в футбол остался играть. И надо же было такому случиться, что привязались к ней два крепко подвыпивших парня: мол, Кольке даешь, а мы чем хуже! Пошли с нами! И все в этом духе. Зойка – в рев и обратно в школу, к Николаю... – неторопливо повествовал Кирия и вдруг неожиданно заорал: – Кофе!

Быстро повернувшись, я успела выключить газ, не дав сбежать любимому напитку, а потом разлила по бокалам и спросила:

– Ну, что дальше было?

– Два трупа было, – выразительно ответил Володька. – И свидетелей до известной матери.

– Ясно! – хмыкнула я. – А восемнадцати ему еще не было, и загремел он на «малолетку», так?

– Именно! – кивнул Кирия. – А ему туда письмо сначала, что Зойка беременна, а потом, что она сына родила. Вот так Игорь Николаевич Дроздов на свет и появился. Кольку, когда он совершеннолетним стал, во взрослую зону этапировали, а он с этапа – в побег, к Зойке и сыну. Его поймали, только он при задержании конвоира покалечил...

– И навесили ему от души! – поняла я.

– Навесили! – согласился Володя. – И стал он на зоне со своей силой, статьями и характером в бо-о-ольшом авторитете, с ворами скорешился, связями оброс, ну и так далее. Вышел он, когда сыну уже пятнадцать было. Подали они с Зойкой заявление в ЗАГС, чтобы пожениться и Игоря усыновить, да не успели! Взяли его!

– За что на этот раз? – полюбопытствовала я.

– В том-то и дело, что ни за что, – покривившись, ответил Володька. – Но вот все его остальные «ходки» были уже за дело, – поспешно заверил он меня.

– Может, объяснишь все-таки, за что его последний раз взяли? – попросила я.

– Понимаешь, Танька! Тогда в Тарасове серия уличных разбойных нападений прошла и трупов уже пять штук набралось, вот и... – Кирия отвернулся. – А у Николая алиби не было! То есть Зойка с матерью и сын утверждали, что он все дни дома был, да... – И Кирия замолчал.

– Да кто же им поверит! – медленно продолжила я. – Ну, что ж! Политика понятная: нашли сиделого и навесили! Да и адвокат небось назначенный был и не особо старался. Правда-то выяснилась?

– Да! Через шесть лет! Это оказались гастролеры, которые ни в одном городе больше недели не задерживались, брали, сколько успевали, и ходу. Взяли их аж в Омске, а у одного из них портсигар золотой нашли, старинный, с бриллиантовой монограммой – мужик его себе оставил, потому что инициалы совпадали, а портсигар этот по нашей ориентировке проходил. Вот так все и выяснилось! Николая с извинениями отпустили, только вернулся он в Тарасов уже вором в законе! Жениться, естественно, уже не мог, жил отдельно, но Зойку и сына не забывал, так что они не бедствовали. А потом, когда его смотрящим поставили, и вовсе сына в люди вывел. А пять лет назад у него инсульт случился, вот после этого он от дел и отошел, но по-прежнему в большом авторитете.

– И я даже знаю, почему его инсульт свалил, – сказала я. – Потому что у Дроздова семья в автомобильной катастрофе погибла.

– Может быть, – подумав, согласился Кирия.

– А что представляет собой сам Дроздов? – поинтересовалась я.

– Там все нормально, – махнул рукой Владимир. – Школа, армия, политех, работал по специальности, а потом организовал кооператив, и с тех пор пошло-поехало! И является теперь господин Дроздов владельцем автомобильной империи: все автосалоны, авторемонтные мастерские и заправочные станции его. А сейчас, говорят, к автобусам присматривается.

– А про Базарова ты что-нибудь знаешь? – спросила я.

– Немного! – покачал головой Кирия. – Друг детства и бывший военный, а еще, по слухам, гнида страшная. Поговаривают, что Дроздов его из чеченского плена выкупил, а потом к себе взял.

– А потом на его младшей сестре женился, – дополнила я.

Я немного помолчала, переваривая полученную информацию, и спросила:

– Ну и что такого страшного ты мне рассказал, что я должна от дела отказываться?

– Таня! Ты пойми! В городе все, кроме некоторых самонадеянных особ, частным сыском промышляющих, – съязвил он, – знают, что Дроздов сын Сома, который после инсульта и живет вместе с ними. А теперь представь себе, кем может быть человек, решившийся пойти против них! И кто за ним может стоять! А еще представь себе, что случится с тобой, если ты выйдешь на его след? Тут тебе и твой черный пояс по карате не поможет, и то, что ты на седьмом этаже живешь – пальнут из гранатомета по твоим окнам – и привет! Так что переехала бы ты лучше во вторую квартиру! Спокойнее так будет и тебе, и мне.

– Кирия! – рассмеялась я. – Подожди пугаться и меня пугать! Ты пойми, на месте этих женщин вполне могли быть другие! Жертвы были выбраны случайно! Преступник, скорее всего, даже не знал, на кого напал – его только цапки интересовали!

– Дай-то бог, если так! – с сомнением покачал головой Кириянов. – Но, по крайней мере, ты теперь знаешь, на кого работать взялась.

– И спасибо тебе за это большое! – Я встала и в пояс поклонилась ему.

– Тебе бы все хихоньки да хахоньки! – укоризненно сказал Володька и тоже поднялся. – Ладно! Я на службу пошел, а если что потребуется, то...

– Всенепременно! – заверила его я.

Проводив Володю, я задумчиво посмотрела на постель и поняла, что сон я себе уже разбила и лучше снова не ложиться в силу полной бесполезности этого занятия. Приведя себя в порядок, я решила узнать, что ждет меня сегодня, и бросила кости. Выпало 30+15+8. Комбинация означала, что мне откроются неизвестные ранее факты. «Точно! В самом начале расследования у меня других и быть не может!» – подумала я и поехала менять деньги. Потом купила продукты, кофе и сигареты, а затем направилась в больницу к Наталье Павловне и Тамаре Евгеньевне в надежде, что они все-таки смогут с моей помощью вспомнить хоть что-нибудь существенное о напавшем на них человеке. В больнице о моем приходе были действительно предупреждены и в сопровождении почетного эскорта меня провели к палате. Но, войдя внутрь, я поняла, что это не сама палата, а холл, в котором стояли два дивана, стол, стулья, холодильник и телевизор.

– Это для охраны, – пояснил сопровождавший меня парень, как будто я сама не увидела там двух крепких ребят, а им сказал: – Это Иванова.

Один из ребят поднялся, подошел к двери палаты и тихонько постучал, а когда дверь приоткрылась, что-то негромко сказал и повернулся ко мне:

– Подождите, пожалуйста! Они сейчас себя в порядок приведут и позовут вас.

«Ну, что ж, в каждой избушке, как известно, свои игрушки! – пожав плечами, подумала я. – Может, у них принято встречать незнакомых людей в полном боевом раскрасе?»

Дверь открылась буквально через пару-тройку минут, и в проеме появилась пожилая женщина, которая, несмотря на возраст, выглядела потрясающе, а в молодости уж точно была необыкновенной красавицей.

– Здравствуйте! – с видом королевы сказала она. – Меня зовут Зоя Федоровна, я мать Игоря Николаевича.

– А я Татьяна Александровна Иванова и по поручению вашего сына занимаюсь поисками того негодяя, который напал на Наталью Павловну и Тамару Евгеньевну, – представилась я.

– Меня предупредили! Проходите! – довольно холодно пригласила Зоя Федоровна, и я вошла в палату. Женщины лежали на кроватях. – Могу угостить вас свежавыжатым соком – нам сюда из дома привезли на любой вкус. Вы какой предпочитаете? – спросила Зоя Федоровна.

– Только не томатный, мамочка! – лстивым голосом сказала Тамара и улыбнулась. Боже, эту девушку не красила даже улыбка! – Мы его специально для Наташи держим – она у нас помидорная душа! – объяснила мне Дроздова.

– Спасибо! Мне ничего не надо, потому что я ненадолго! – отказалась я и сказала: — Дамы! Я вас очень прошу не волноваться, тем более что все страшное уже позади.

– Даже если они захотят это сделать, то не получится, – заметила Зоя Федоровна. – Им колют самое действенное успокоительное, какое только есть.

– Тем лучше! – сказала я и попросила: – Пожалуйста, попытайтесь вспомнить хоть что-нибудь о напавшем на вас человеке.

– Да мы же все сегодня утром уже милиции рассказали, – удивилась Наталья Павловна, которая по сравнению с Тамарой выглядела ужасно: у нее отекло лицо, под глазами были темные круги и, вообще, вид был очень болезненный.

«Какого черта она решилась рожать в таком возрасте! – подумала я. – Ей же точно хорошо за сорок!»

– Я с милицией параллельно работаю! – объяснила я и усмехнулась: – Наперегонки!

– Хорошо! – кивнула Наталья Павловна. – Нам с Томой, когда мы еще в зале сидели, плохо стало. Понимаете, духота, грохот этот ужасный...

– Сама от всего этого сбежала, – кивнула я. – Но зачем вы вообще в театр пошли? Ей-богу, в вашем положении это, как мне кажется, было опрометчиво!

– Я изначально была против, – холодным тоном поддержала меня Зоя Федоровна. – Но Игорь сказал, что он обязательно должен там быть, но если он появится без семьи, то это может быть неправильно понято. Вот им и пришлось ехать! В их-то положении! – Она осуждающе покачала головой.

– Не надо, мамочка! Не расстраивайтесь! – сладким до приторности голосом попросила ее Тамара. – Все ведь обошлось!

– К счастью, да! – согласилась с ней ее свекровь. – А если бы нет?

– Но ведь обошлось же! – сказала Наталья Павловна и продолжила рассказывать: – Ну вот мы в фойе и вышли, чтобы немного в себя прийти, а потом домой хотели поехать. Посидели на диванчике, воздухом подышали и решили в туалет заглянуть – мы за городом живем, и ехать нам довольно долго.

– Вы живете все вместе? – уточнила я.

– Нет, но наши дома в одном поселке, – объяснила Наталья Павловна и стала рассказывать дальше: – Едва мы за угол завернули, как... – тут она осеклась, закрыла глаза и отвернулась.

– Простите ее, пожалуйста! – попросила Тамара. – У Наташи очень плохо с нервами. Понимаете, когда пришло известие о том, что Витю, раненного, в плен взяли и выкуп требуют, у нее нервный срыв был! Сумма была такая, что нам ее не собрать, даже если бы мы все-все продали. И тогда она пошла к тете Зое.

«Все ясно! Значит, в этой семейке именно Зоя Федоровна бал правит! То-то она себя так заносчиво ведет!» – подумала я, а Тамара тем временем продолжала:

– Она готова была перед ней на коленях стоять, в ногах у нее валяться, только чтобы Витю спасти. А тетя Зоя, едва о нашей беде услышала, тут же сказала, что Игорь даст нам деньги. И Игорь дал! Наташа тогда поправилась, но врачи нам сказали, что ей категорически нельзя нервничать! Полный покой! А тут!

– Я все понимаю, но подробности мне все-таки нужны. – Я развела руками.

– Хорошо! – покосившись на Наталью Павловну, сказала Тамара. – В общем, когда мы за угол завернули и буквально пару шагов сделали, на нас скелет вылетел, и руки у него были к нам протянуты, словно он нас схватить хотел. Наташа сразу сознание потеряла и падать начала. Я ее удержать попробовала, но тут он уже около нас оказался. Тут уже и я не выдержала и тоже сознание потеряла.

– Значит, того, как у вас с шеи драгоценности сорвали, вы уже не чувствовали? – спросила я их.

– Нет! – сказала Тамара, а Наталья Павловна просто покачала головой.

– Понятно! – кивнула я. – Вам, наверное, уже сказали, что это, скорее всего, был танцовщик театра в костюме Кощея Бессмертного. Мы его усиленно ищем и обязательно найдем, – заверила я женщин.

– Сегодня рано утром, – выделила Зоя Федоровна, намекая на то, что я что-то не тороплюсь работать, – Витюша привез меня сюда с продуктами для девочек, а потом съездил в милицию и, вернувшись, сообщил, что в хореографическом училище целая бригада допрашивает тех учащихся, что вчера были в театре, а со всеми зрителями уже побеседовали, но результатов это не дало. Это ему какой-то полковник так сказал, – с величественной небрежностью сказала Зоя Федоровна.

– Оперативно они, однако! – покачала я головой.

– Да! Они, – выделила она, – стараются! И не даром! Мы же им обещали два новых автомобиля, если они преступника найдут! Но вы ведь тоже за деньги работаете? Не так ли? – с издевкой спросила она.

– Так! – стараясь казаться спокойной, подтвердила я.

«Ничего себе положеньице! Я одна, а против меня все управление! – подумала я и, разозлившись, решила: – Ничего! Пробьюсь! И не из таких ситуаций выкручивалась! А вот Пейрак за хамство своей мамы мне еще и премиальные заплатит! Тоже мне! Царица Савская!»

– А что еще Васильев сказал? – спросила я.

– Что все зрители единодушно утверждают, что и сами были на своих местах, и их соседи тоже. Так что главными подозреваемыми сейчас являются учащиеся хореографического училища.

– Ну, что ж! Я рада, что круг подозреваемых так значительно сузился, – сказала я, и тут зазвонил мой сотовый, я извинилась и, включив его, ответила: – Слушаю!

В трубке раздался голос Базарова, который жестко произнес:

– Не называйте моего имени!

– Хорошо! – насторожившись, сказала я, а он продолжил:

– Я знаю, что вы сейчас в больнице, так что срочно... Понимаете? Срочно зайдите в кабинет главврача! Я вас здесь жду!

– Сейчас буду! – заверила я его и, отключив телефон, встала: – До свиданья! – И, достав из сумки визитку, протянула женщинам: – Если, не дай бог, что-нибудь случится, то позвоните мне, и я тут же приеду. А вы выздоравливайте скорее, а если будут новости, я обязательно вам их сообщу!

С трудом выдавив из себя на прощание улыбку – надеюсь, она не показалась им слишком кислой, – я вышла в холл, потом в коридор и, поймав первую же медсестру, попросила сказать

мне, где находится кабинет главврача. Узнав его местоположение, я понеслась туда семимильными шагами и, мухой влетев в кабинет, с порога спросила:

– Что случилось?

– Сядьте, Татьяна Александровна! – внешне спокойно сказал багровый от ярости Базаров, и я села на стул. – Это главврач больницы Александр Леонидович Панкратов. – Он кивнул на сидевшего за столом мужчину. – Это палатный врач наших женщин Ольга Николаевна Давыдова. – Я посмотрела в ту сторону и увидела зареванную женщину лет тридцати в белом халате, а рядом с ней бледную до синевы старушку, которая держалась за сердце. – И ее мать.

– Очень приятно! – машинально ответила я и снова спросила: – Что же все-таки случилось?

– То, что у Ольги похитили сына Дениса пяти лет, – жестко сказал он.

– Как это произошло? – спросила я и полезла в сумку за сигаретами, но, достав их, вопросительно посмотрела на Панкратова, который просто махнул рукой – курите, мол, что я и делала.

Базаров повернулся к пожилой женщине и попросил:

– Агния Степановна! Расскажите Татьяне Александровне, как дело было!

– Хорошо! – прерывающимся голосом сказала она. – Мы с Лелечкой и Денисом втроем живем – дочка давно в разводе. Она сегодня утром на работу, как всегда, к восьми ушла. Потом мы с Денисом позавтракали и на оптовку пошли. Я там за колбасой в очередь встала... Она там такая только в одном месте продается... Денису скучно было стоять, и он отпросился на игрушки посмотреть... Там рядом прилавков... А люди-то постоянно ходят... Его загораживают... А потом раз – и нет его!.. Я его звала-звала!.. Кричала-кричала!.. А он не отзывается!.. И нет его нигде!.. Я по рядам искать его побежала!.. А мне люди посоветовали в администрацию пойти... Чтобы его по радио позвали... Я туда побежала... Они объявили... Потом еще много раз объявляли, что потерялся мальчик Денис Давыдов, пяти лет, голубоглазый, волосы светло-русые, коротко стриженные... Одет в голубые джинсики и клетчатую рубашечку... Простили продавцов, кто увидит его, привести в администрацию... За вознаграждение... Я там в администрации полчаса ждала, а его все нет... Тогда я Леле позвонила, а тут оказывается...

– А ей к тому времени уже похититель позвонил, – закончил Базаров. – Она к Александру Леонидовичу бросилась, а уже он мне сообщил.

– На какой оптовке это было? – спросила я.

– На Рахова и Московской, – назвала женщина адрес рынка, расположенного в бывших заводских цехах.

– Так там же черт ногу сломит! – воскликнула я.

– Ничего! – уверенно сказал Базаров. – Этот рынок Сатрап крышует! Там в охране его парни работают! Я ему уже позвонил и попросил своих ребят напрячь, чтобы они все вокруг прошерстили! Особенно на стоянке!

– Да! – согласилась я. – Этот подонок обязательно должен был быть на машине, потому что с пятилетним ребенком на руках далеко не уйдешь! Но почему мальчик не закричал?

– Видимо, брызнули ему в лицо чем-то, – предположил Базаров и, повернувшись к бабушке, попросил: – Агния Степановна! Вы пойдите, пожалуйста, к медсестрам, они вам укол сделают, успокоительного дадут, а как мы что-нибудь узнаем, так тут же вас позовем.

Панкратов поддержал Базарова:

– Идите, Агния Степановна! Мы вам обязательно все сообщим.

Старушка покорно вышла из кабинета и закрыла за собой дверь, а Базаров поднялся, подошел к двери, открыл ее, выглянул наружу, чтобы убедиться, что там никого нет, и снова плотно закрыл. Озадаченная таким его поведением, я недоуменно посмотрела на него, а потом спросила:

– Сколько требуют за мальчика?

– Деньги похитителя не волнуют, – медленно сказал он. – Ему другой выкуп нужен! Очень своеобразный! Короче, этот мужик сказал, что если Ольга до десяти часов вечера устроит Наташе выкидыш, то сына ей вернут. Если же нет, то она его не получит никогда.

– Та-а-ак! – протянула я. – Но тогда получается, что нападение в театре не было случайным! Ждали именно вашу жену! Некто знал, что она очень впечатлительная женщина, и планировал напугать ее для того, чтобы она потеряла ребенка! Ценности же взяли для отвода глаз, а Тамара Евгеньевна попала под эту раздачу просто за компанию! А это значит, что вы кому-то крепко насолили и вам решили вот так изуверски отомстить. Думайте, Виктор Евгеньевич, кому вы дорогу перешли!

– Не совсем так, – сказал Базаров и, помолчав, объяснил: – Дело в том, что Наташа вынашивает детей Тамары и Игоря. Там двойня!

– Что?! – воскликнула я. – А сама Тамара?

– У нее оказалась врожденная патология, и она совсем не может иметь детей, – отвернувшись, сказал он. – Она только изображает беременность.

«Вот они – неизвестные ранее факты! – подумала я. – Теперь понятно, зачем меня попросили подождать в холле! Чтобы Тамара успела накладной живот надеть!»

– Извините, Виктор Евгеньевич. Я понимаю, что тема эта деликатная и не слишком для вас приятная, но расскажите мне все с самого начала.

– Придется, – нехотя согласился он и начал: – Игорь очень тяжело переживал гибель своей семьи! Только время, сами знаете, все лечит, да и о наследниках подумать надо было. А то кому дело оставлять? Кто его бизнес продолжит? Жениться абы на ком он не хотел. Кукла, у которой только деньги на уме, ему и подавно не нужна была. А Тому он с самого детства знал – мы же с ним с одного двора. Она у нас поздняя, родилась, когда маме с папой уже хорошо за сорок было. Случайно, в общем-то, родилась! Вот посоветовались мы все и решили, что хорошая из них пара получится, и не ошиблись.

– Как же так? Без всякой любви? – удивилась я и тому, что Дроздов женился по чьему-то (видимо, материнскому) решению, и тому, что Базаров ни звуком не упомянул о Погодиной, но, сделав себе эту заметку на память, решила разобраться в этом потом – судьба Дениса сейчас была намного важнее.

– Любовь случается что и проходит, – уверенно ответил Виктор Евгеньевич. – А вот теплота душевная, отношения почти родственные – это понадежнее будет!

– Что-то я не заметила... – не выдержав, сказала я. – Вы-то к ним сразу бросились, а вот он стоял, как чужой!

– Вы не правы, Татьяна Александровна! – покачал головой Базаров. – Я Игоря всю жизнь знаю и поэтому могу вас уверить, что ему было и больно, и горько, и разозлился он страшно. Только не мог он на людях свои чувства открыто выражать. Не мог он позволить, чтобы люди позлорадствовали, что у самого Пейрака вдруг такое несчастье! Неужели вы полагаете, что его все без исключения любят? Да ни в коем случае! У него до черта завистников и недоброжелателей! Только никто не решится противостоять ему в открытую, а вот посудачить за спиной! Перемыть косточки ему и его близким – это сколько угодно! А уж когда такой повод нашелся, так это для них – пир духа и именины сердца! Вот он и привык сдерживаться на людях.

«Если бы любил по-настоящему, то плевать ему было бы на все с самой высокой сосны! – подумала я. – А вот когда по чужому решению женят, то тут можно и спокойствие сохранять!»

– подумала я и спросила:

– Вы Игорю Николаевичу сообщили о похищении?

– Конечно! – воскликнул он. – Это же его дети! Он приказал во что бы то ни стало найти мальчика, а его самого постоянно держать в курсе дела!

– Давайте вернемся к Тамаре, – предложила я.

– Хорошо! – кивнул он. – Тома у нас девочка домашняя, неиспорченная, она и с мальчишками-то никогда не встречалась, так что замуж девушкой вышла. Это точно!

«Да кто бы на нее посмотрел второй раз, а уж тем более позарился!» – подумала я, а Базаров тем временем говорил:

– Прожили они с Игорем год, а детей нет. Тогда она обследоваться решила.

– Здесь? – спросила я.

– Нет, – ответил мне Панкратов. – У нас тогда еще гинекологии не было, потом появилась. Она в «Панацее» обследовалась.

– Понятно! – кивнула я, потому что об этом частном медицинском центре с самым современным оборудованием и лучшими специалистами знали абсолютно все. – И там это выявили? – спросила я.

– Нет! – неожиданно для меня сказал Базаров. – Там ей как раз сказали, что она совершенно здорова. Но прошло полгода – и опять ничего. Тогда мы Тому в Москву отвезли, и вот тогда-то все и выяснилось.

– Как же в «Панацее» могли так ошибиться? – удивилась я.

В ответ Базаров только пожал плечами и продолжил:

– Тогда им, то есть Томе с Игорем, предложили суррогатную мать, но он категорически отказался!

– Отказался? – удивилась я. – Но почему?

– Он сказал, что чужая женщина будет относиться к вынашиванию ребенка как к работе, будет думать во время беременности о деньгах, а он хочет, чтобы ребенка выносили с любовью и нежностью, как родного.

– Неожиданные рассуждения для мужчины, – пробормотала я.

А Базаров продолжил:

– Тогда мы посоветались, и Наташа в благодарность за то, что Игорь меня спас, предложила себя. Ей, конечно, уже за сорок, но мы понадеялись, что все обойдется. И потом я сам чувствую себя перед Игорем виноватым за то, что у Тома нет детей, а он ведь только ради них и женился.

«Опять „мы“! Мнение Дроздова что, в расчет совершенно не принимается?» – зло подумала я, потому что эти «мы» и «нам» уже костью стояли у меня в горле, и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.